

Муэдзин пел старательно и неторопливо. Призыв к утреннему намазу ас-субх он начинал резко и с очень высокой ноты. Словно обрушивался на совесть тех, кто в этот час еще спал:

Аллаху акбар!
Ашхаду алля иляха илляллах...

К середине строки его голос понижался, набираясь сил перед концом фразы, и опять улетал вверх. Будто не людей призывал к молитве, а обращался к небесам, в надежде быть услышанным у престола Аллаха:

Ашхаду анна мухаммадар-расулюллах.
Хаййа галяс-сальях...

На востоке, закрытом туманом и темными горными вершинами, зарождался новый день. И пусть облака, обнявшие вершину Арч-Корта, еще не окрасились в нежный предрассветный румянец, но рассвет уже чувствовался. В дурманящем запахе горных трав, в кристально чистом воздухе. Даже горная река, омывающая эту каменистую землю, сейчас шумела иначе.

Один из домов горного селения стоял на некотором отдалении от остальных. Он был окружен глухим и крепким забором. На втором этаже в небольшой комнате спал мужчина. Еще не старик, но выглядевший гораздо старше своих шестидесяти лет. Лицо, хоть и сохра-

нившее гордый профиль, напоминало печеное яблоко. Ранние для его возраста старческие пятна и глубокие морщины переплетались с побелевшими шрамами в затылочную вязь. Кожа на руках напоминала старинный пергамент. Когда раздалась первая звуковая азна, он, даже еще не проснувшись, поморщился. Мужчина никогда не любил рано вставать. В его жизни было слишком много бессонных и тревожных ночей. Поэтому сейчас, когда ему стукнуло шестьдесят два, он позволял себе расслабиться и спать столько, сколько нужно для его уставшего тела. Только вот заснуть не получилось. И дело здесь не в этом, раздери его шайтан, муэдзине! Что-то другое, неуловимое и непонятное. Чувство надвигающейся беды, которое его никогда не подводило. Оно просто захлестнуло душу своим мутным потоком опасения и тревоги.

Он открыл глаза и увидел сидящего напротив кровати незнакомца...

Тому было около сорока. По крайней мере, выглядел этот человек не старше. Он был смугл и черноволос. Короткая стрижка и трехдневная щетина серебрились искрами седых волос. Темные, почти черные глаза смотрели на собеседника холодно и спокойно. Одежда тоже ничем особенным не отличалась от той, к которой привык хозяин этого дома. Выцветшая на солнце форма оливкового цвета и выдававший виды разгрузочный жилет. На шее — черно-белая куфия. В правой руке прищелец держал пистолет. Легко и привычно.

Незванный гость сидел верхом на стуле посередине комнаты. Сидел и спокойно смотрел на открывшего глаза хозяина. Рядом с ним стоял небольшой кожаный чемодан. Даже не чемодан, а саквояж. Кожаный, светло-рыжего цвета. Потускневшие латунные застежки и вытертые от частого употребления бока. С такими в начале двадцатого века ходили провинциальные врачи и авантюристы, претендующие на звание джентльмена.

— Амир, ваш муэдзин все-таки — порядочная скоти-

на, — спокойно заметил незнакомец. — Он так вопит, словно никогда не слышал о наставлениях Биляла ибн Рабаха¹.

— Кто ты тако... — начал было хозяин, но пришелец не обратил на это никакого внимания и спокойно продолжил говорить:

— Жаль, что он не видит разницы между настоящим азаном и криком. Иначе бы давно понял одну простую вещь. Если бы воплем можно было разбудить совесть мусульманина, то самым лучшим муэдзином был бы простой лопоухий ишак.

— Кто ты? — повторил свой вопрос старик.

— Это не важно. — Незнакомец лениво махнул рукой и кивнул на саквояж: — Вот твои деньги, амир. Двести тысяч экю. Где наш пленник?

Он говорил спокойно и неторопливо. На хорошем арабском языке. Чисто, но с каким-то странным акцентом. Короткими, тяжелыми фразами. Будто не говорил, а отливал слова из расплавленного серебра.

Хозяин нервно дернул щекой, прищурился и еще раз посмотрел на саквояж. Его левая рука незаметно скользнула под подушку, но гость заметил. Заметил и усмехнулся. Улыбка, похожая на волчий оскал, коснулась его губ, но взгляд остался холодным. Темные глаза — как два оружейных ствола, готовых огрызнуться пулей. Предупреждая ненужные действия, незнакомец еще раз качнул рукой и поднял повыше пистолет.

— Не надо делать глупостей, амир. Ты ведь, слава аллаху, не вечный. Зачем тебе лишняя дырка во лбу? Тем более что твоей игрушки там уже нет. Как и охранников у дверей твоего дома, — усмехнулся гость. — Не переживай, они живы. В целостности и сохранности. Пройдет немного времени — и очнутся. Разве что головы будут немного болеть.

— Я тебя...

¹ Билял ибн Рабах — один из самых известных сподвижников пророка Мухаммеда. Первый муэдзин. — *Здесь и далее примеч. авт.*

— Ты опять меня не слышишь, амир, — с сожалением в голосе повторил незнакомец. — А все почему? Потому что ты забыл про три завязанных шайтаном узелка. Иначе бы не валялся в кровати, а встретил рассвет с молитвою и с душой, переполненной радостью.

— Их здесь нет.

— Это плохо, — покачал головой незнакомец, и улыбка слетела с его лица. — Где они?

— К югу отсюда. У надежных людей.

— Жаль, что мы плохо поговорили. Очень... очень жаль. Можешь не провожать.

Гость встал и аккуратно подвинул стул к стене, украшенной богатым текинским ковром. На нем висело несколько старинных шашек и два кавказских кинжала, украшенных серебром. Он посмотрел на лежащего мужчину и сухо обронил:

— Мы ждем еще три дня. Потом — ты уж не обижайся, амир, — но умирать будешь долго и очень мучительно. Ты и все твои близкие. И похоронят тебя, паскуду, завернутым в грязную свиную шкуру. Как знал, что может пригодиться. Специально приготовил.

С этими словами незваный гость подхватил саквояж и открыл дверь...

Конец восьмидесятих годов

Западная Европа

Утреннее солнце дразнило. Оно предательски проскользнуло в щель между занавесками и осветило мою холостяцкую берлогу. Еще немного — и луч света доберется до подушки. Будильник, стоящий на прикроватной тумбочке, зашелестел шестеренками, собираясь выдать звонкую порцию звуков, но я успел хлопнуть его по большой медной кнопке. Когда-нибудь я его выброшу. Или отправлю в открытое окно. Или в стену. Со всего размаха. Этот большой будильник достался мне от предыдущего постояльца. Своим заполошным звоном

он мог поднять и покойника. Думаю, что его прежний хозяин был счастлив, когда «забыл» это извращенное творение часовщиков.

— Доброе утро, маленькая моя... — Я не вижу лица, но чувствую, как изменилось дыхание моей проснувшейся подружки. Как у разбуженной кошки. Сейчас она что-нибудь нежно промурлычет, поцелует меня в шею и пойдет в ванную. И будет долго плескаться под душем, напевая смутно знакомую мне мелодию. Она поет ее каждый раз, когда ночует у меня, но я никак не могу вспомнить название этой песни.

— Боже, как мне не хочется вставать... — Она садится на кровати и потягивается. И все это с закрытыми глазами. Еще не проснулась.

В конце концов она показала мне свои хитрые зеленые глаза, посмотрела на часы и нехотя поднялась. Еще раз потянулась. У нее красивое тело, и она это знает. Она любит его демонстрировать. И знает, что мне это нравится.

Солнце скользнуло по ее загорелой коже, и Хельга довольно улыбнулась. Потом показала мне язык и ушла в душ. Мол, даже не думай приставать! Или наоборот — попробуй не приставать? Кто знает, что у женщин на уме... Подчас они и сами этого не понимают. Куда уж нам, грешным... Поэтому мне остается лишь проводить ее взглядом и довольно хмыкнуть. Нет, конечно, можно нарушить этот привычный ритуал и присоединиться к ней. Поначалу она будет возмущаться. До первого поцелуя. В ложбинку, между лопаток. Потом... Эх, дьявольщина... В итоге из душа мы опять переберемся в постель, и я опоздаю на дежурство. Сегодня это нежелательно.

Пока она умывается, я иду на кухню. Точнее — закуток, который так называется. Делаю кофе. При всех достоинствах моей светловолосой подружки, варить кофе она не умеет. Потом мы меняемся местами. Я иду в душ, а она хлопает дверцами холодильника и готовит мне завтрак. Просто семейная идиллия, а не утро...

— Спасибо. — Я целую ее в шею и получаю шлепок по пальцам.

— Даже не думай!

— Как бы не так, — бурчу я и провожу руками по ее бедрам.

Хельга пытается возмущаться и перебирается на другой конец стола. Подальше от моих рук. Правда, смотреть на нее никто не запрещает, и я с большим удовольствием рассматриваю ее стройные ножки, обтянутые темными чулками со стрелкой. Строгая черная юбка, белая блузка и деловой пиджачок. Черт побери! Прав был старик Сесиль Сен-Лоран: «Женщина без чулок, как роза без запаха. Что же тогда сказать о женщине, которая носит чулки со швом? Ничего, так как слов будет недостаточно!»

— Карим, даже думать не смей! — Она перехватывает мой взгляд и знает, чем это может закончиться.

В конце концов, я устраиваюсь с сигаретой и чашкой кофе у открытого окна. Хельга почти не курит и не любит курящих. И своему мужу, насколько мне известно, дома курить запрещает. И как только она терпит мою прокуренную берлогу — ума не приложу...

— Сегодня я не приеду, — сообщает она, осторожно намазывая гренки вишневым джемом.

— Жаль.

— Мне тоже.

Про то, что мы увидимся только через три дня, я знаю со вчерашнего вечера. Она придет в гости, когда муж уедет куда-то в Баварию или Бельгию. На очередной съезд рвачей... пардон — врачей. Хотя мне-то какая разница? Бьюсь об заклад, что своих медсестер он трахает чаще, чем свою жену. Так что — через три дня, и ни днем раньше. Она сообщает мне эту информацию с таким видом, будто это очередной прогноз погоды, но я просто обязан что-то ответить. Что-то похожее на: «Да, дорогая, лето в этом году холодное. Возьми зонтик, дорогая.

Не задерживайся, дорогая». Вместо этого я недовольно хмыкаю и продолжаю рассматривать ее ножки.

Да, вот такой я аморальный тип. Сплю с чужой женой. Какой кошмар, да? Если честно, то ваш праведный гнев меня не сильно печалит. Если собрать все мои грехи, то этот будет самым маленьким. И одним из самым приятных.

Еще через полчаса мы заканчиваем завтрак. Пока я одеваюсь, она вертится перед зеркалом и поправляет чулок. Поймав мой взгляд, делает грозное лицо. Хм... Ваше счастье, фрау Хельга, что мне надо на работу. Иначе грозное лицо, с этими лукавыми чертятами во взгляде, послужило бы хорошим поводом вас раздеть.

Хельга замечает мой висящий на спинке стула бронежилет, и по ее лицу пробегает тень. Она не любит мою работу. Увы, мадам, но это не обсуждается. Каждый занимается тем, что умеет. Ваш муж умеет резать и служит в большой и шикарной клинике. Я тоже умею резать людей, но мои «операции» стоят гораздо дешевле, и они вредны для человеческого организма.

Мы выходим из дверей моей квартиры и спускаемся вниз. Стук ее высоких каблучков звонко разносится по подъезду. Она быстро целует меня в щеку и убегает. Даже не целует, а легко прикасается к моей щеке. Чтобы не смазать помаду. Мне достаются только терпкий аромат ее духов и энергичная дробь шагов. Привлеченная этими бодрими звуками, из каморки, расположенной рядом с входной дверью, выходит женщина.

— Доброе утро, герр Шайя. Вам письмо! — Белобрысая консьержка с водянистыми как у рыбы глазами протягивает мне конверт. С таким удивленным видом, что можно подумать, будто я читать не умею. И читать не умею, и сам факт получения письма — это не что иное, как восьмое чудо света. Или девятое? Сколько их там всего, этих чудес? Семь? Пусть будет семь, я не против. При этом консьержка успевает проводить взглядом ма-

шину Хельги, выезжающую со двора, и презрительно сморщиться. Тоже мне, святоша...

— Доброе утро, фрау Шнитке.

— Фройляйн Шнитке, — поправляет она, и ее губы, и без того узкие, плотно сжимаются, превращаясь в белесый шрам, рассекающий вечно недовольную маску. Даже не маску, а кусок бледного теста, по недоразумению природы обладающего скверным характером и умеющего говорить. От нее пахнет нафталином и еще чем-то неуловимым. Вроде пыльных и засушенных цветов.

— Да, да, конечно, — киваю я, и усмехнувшись, выхожу на улицу, — обязательно.

— Удачного дня. — Сухой голос впивается мне в спину гневным шипением. Голос, полный осуждения и яда. Так и слышу ее внутренний шепот: «Чтобы ты сдох, развратник!»

Я выхожу на улицу и неторопливо закуриваю. Через дорогу мне приветливо машет знакомый лавочник. Он уже открыл свой овощной магазинчик и теперь пытается пристроить рекламный щит на узком тротуаре, чтобы его не снесли спешащие прохожие. Вслед за мной на крыльцо выползает и фройляйн Шнитке. С метелкой. Она подметает ступеньки с такой яростью, будто вместе с пылью хочет избавиться от постояльца по имени Карим Шайя. Как бы не так! Чтобы не мешать, спускаюсь на тротуар. Моего напарника еще не видно, и я с интересом кручу в руках письмо. Это что за новости?! «Paul Nardine, San Antonio, TX 78210-3966, USA». И какого дьявола Поль туда забрался? Нет, Медведь всегда был непоседой, этого у него не отнимешь, но что он в Америке-то забыл?

Почитать, к сожалению, не удалось. Подъехал напарник. Его черный BMW еще блестит каплями воды после утренней мойки. Этот парень — известный чистюля, и машина блестит как у кота яйца. Письмо пришлось уб-

рать в карман куртки, и мы отправились в сторону грузового порта Гамбурга.

Пока ехали, успели обсудить политические новости. Коллега сообщил, что осенью этого года, а точнее — в октябре, Гельмут Коль отправится в Москву. Не знаю, чему он радуется. Возможному объединению Западной и Восточной Германии? Спорный вопрос, но я послушно киваю. Это проблемы будущего...

Домой я попал только на следующее утро. Вчерашний день был жутко хлопотным. У моего шефа есть ужасная привычка, которую я терпеть не могу. Если что-то идет не по плану, то разбираться с этим приходится мне. Как правило, это не самые приятные дела. Если быть точным, то в этот раз мне опять не повезло. Заболел телохранитель его жены, и пришлось заменить это вечно жующее создание. Кстати, я просто уверен, что парень здоров как бык. Просто он решил отдохнуть от этой жирной скотины, а шеф недолго думая сбросил свою благоверную на меня. У нас с его женой стойкая и обоюдная антипатия. Шеф это знает, и думаю — только рад. По крайней мере, он может быть спокоен за свою блестящую лысину — рогов там не появится. Он бы с радостью отправил меня на эту должность навечно, но этот вариант мы уже проходили. Когда меня в очередной раз попытались превратить в грузчика, навьючив пакетами из магазинов, я объяснил разницу между телохранителем и курьером. Помню, она тогда жутко разозлилась. Выла как минометная мина! И гораздо дольше. У этой вздорной бабы есть мания. Она живет покупками и походами по магазинам. Это цель и смысл всей ее жизни. Альфа и омега существования. Все эти тряпки, наряды... Господи, прости меня, грешного. Иногда мне хочется пристрелить эту сучку. Пристрелить, и получить премию от шефа. Я так и вижу эту картину. Плачущий шеф смахивает скупую мужскую слезу и незаметно сует в мой карман пухлый конверт с деньгами. При этом он закрывает лицо платком, чтобы спрятать

свою жутко счастливую физиономию. Да, думаю, что он будет рад избавиться от этой горгоны Медузы. Если бы не ее отец — чиновник из бундестага, — шеф и сам давно бы развелся. По крайней мере, когда он напивается, только эта мысль его и занимает. Иногда, если супруга достает его придирками, он напивается прямо у себя в кабинете. Потом в кирпичную стену, украшенную фотографиями этой фурии, летят бокалы и пустые бутылки, сопровождаемые звериным рыком: «Убил бы суку!!!» Увы, но все это остается лишь в мечтах. Для него этот вариант чреват большими финансовыми потерями. Если не сказать больше. Поэтому: молчим и терпим, терпим и молчим. В итоге — весь день я сопровождал эту фрау, а затем отправился в порт, где и застрял до утра. Разбирался с проблемами контрабанды в порту.

Извините, я забыл представиться! Меня зовут Карим Шайя. Мне тридцать два года. Рост — метр семьдесят пять, вес — восемьдесят три килограмма. Глаза карие. Стригусь очень коротко. Что еще? Если вы — докторша, и вас интересует все остальное, то на теле найдется несколько шрамов. Плюс к этому — две контузии. С последней вышло не очень хорошо, и слух иногда подводит. Какие-то странные приступы глухоты на левое ухо. Наш доктор утверждает, что со временем это пройдет. Хотелось бы ему верить...

Уже прошло два года, как я ушел из французского Иностранного легиона. Только не спрашивайте, почему я ушел, хорошо? Были причины. Мне вспоминать неохота, а вам это и вовсе без надобности. Родился и вырос в Париже. Все мои предки, а точнее — отец и дед, служили в Легионе. Это настолько вошло в нашу семью, что другой дороги у меня просто не было. Мои предки — из Алжира, и да — я мусульманин. Если честно, вопрос веры мне никогда не был важен. Ислам в нашей семье — это как аляпистая фруктовая вазочка, стоящая на подсервантике. Вся ее ценность — в том, что куплена одним из ваших уважаемых предков. Выбросить жалко, а

хранить глупо. С религией — то же самое. Семья у нас небольшая. Я самый старший. Кроме меня есть еще два брата и сестра. Братьям двадцать и двадцать два. Сестренке тринадцать лет, и она у нас любимица. С нее сдувают пылинки и хранят как зеницу ока. Жаль, но со своей семьей я вижу редко. Причины? Это старая история, и мне не хочется ее рассказывать. Если вам это так интересно, то скажу коротко: проблемы с родственниками. Такое случается в любой семье. Бьюсь об заклад, что если покопаться в вашей памяти, то и у вас найдется дюжина таких историй...

*Конец восьмидесятих годов
Западная Европа*

После работы я позавтракал в уютном ресторанчике, который расположен неподалеку от моего дома. Позавтракал — и уже в полдень открыл дверь своей берлоги. Что тут рассказывать? Каждый из вас когда-нибудь снимал небольшую квартирку. Верно? Вот и я так говорю. Обычная холостяцкая берлога. Как пишут в объявлении: «Прекрасное месторасположение. К вашим услугам: прачечная, магазин и бар. Неподалеку есть боулинг, кинотеатр и другие места для развлечений». Под словами «места для развлечений» надо понимать бордель, расположенный через два квартала. Идеальное место для холостяка. В общем — вы себе представляете, как выглядит мое жилище. Без лишней роскоши, но все аккуратно и на своем месте. Тихая зеленая улочка. Вежливые соседи. Я принял душ, потом сварил кофе и уселся в кресло, чтобы покурить и подумать. Ах да, письмо! Как же я про него забыл?

Поль Нардин, по прозвищу Медведь, — мой старинный армейский друг. Мы с ним знакомы, как говорится, сто лет. С ним и с Джузеппе Марино. На черно-белой фотографии, которая висит у меня на холодильнике, мы как раз троим. Если не ошибаюсь, это где-то в Гвиане.

Тысяча девятьсот восемьдесят второй год. Или восемьдесят третий? Уже и не вспомню.

Видите — вот этот улыбочивый парень с левой стороны? Да, это я. Собственной персоной. А вот этот здоровенный итальянец, — Джузеппе Марино. Мы иногда называли его Пеппино. Когда он был не в духе, то здорово на это злился. Помню, как-то заезжали в гости к его матушке. Втроем. Это было нечто удивительное. Его мама не могла нарадоваться. Нас приняли, как это говорится, а *braccia aperte*... дьявол, как это перевести? Вспомнил: с распростертыми объятиями. Вот так нас и встречали. Со всей улицы приходили толпы ее приятельниц, чтобы порадоваться на «малыша» Пеппино, прибывшего в родные пенаты. Джузеппе, как и подобает потомку древних римлян, стоически терпел все знаки внимания. Терпел даже тогда, когда эти горластые соседи пытались погладить его по головке, приговаривая: «*Povego, povego ragazzo!*» В ответ на эти стенания, наш «бедный, бедный мальчик», похожий на племенного бычка, принимал скорбный и послушный вид. Обещал одуматься и исправиться. Мы с Полем тихо угорали, глядя на эту картину. Надо было видеть, как старина Джузеппе молитвенно складывал ладони, поднимал глаза к небу (помяная Божью Матерь не самыми хорошими словами). Вот он на фотографии. Да, вот этот крепыш, с пулеметом наперевес. Здоровый как буйвол. А вот этот, черноволосый, с хмурой физиономией — и есть тот самый сержант Поль Нардин.

— Так, что там у нашего Медведя? — Я разорвал конверт и вытащил довольно большое письмо. Три страницы. Странно. Для Нардина это слишком много. Он, как правило, сух и немногословен. Излагал только новости и факты, оставляя эмоции на совести собеседника.

Письмо перечитал два раза. Если бы сейчас за мной наблюдала наша белоглазая консьержка, то наверняка бы подумала, что я не только развратен, но и неграмотен. Потому что вид у меня был слегка ошарашенный.

А новости, про которые писал Нардин, были не самые хорошие. Во-первых, погиб Джузеппе Марино. Погиб в какой-то американской дыре... как ее там? Сан-Антонио, да. Погиб на службе. Он был хорошим парнем. Поначалу я подумал, что тут дело нечисто и Полю нужна помощь. Мало ли... Может, он нашел ребят, которые виновны в гибели Пеппино, и надо произвести некоторые «расчеты» с местным населением. Все оказалось проще. Смерть Марино — это простая случайность. Увы, такое тоже случается. Дьявольщина, как же это глупо! Я даже кулаком грохнул по столу. От злости. Глупо! Выжить в таких переделках, что и вспомнить страшно, и погибнуть в какой-то тexasской глуши!

Кроме этого, Нардин написал о работе. Вот здесь и начинались непонятные вещи. Как я понял, как раз перед своей гибелью Джузеппе успел пристроить Поля на работу. В охранную контору. Что за работа и в чем она заключается, Поль не написал. Как понимаю, это не тот случай, когда информацию можно доверить бумаге и почтовой службе. Обрисовал сферу деятельности — так будет точнее. В общих и ничего не значащих фразах. Одна фраза меня очень удивила. «Все, что тебе расскажут работодатели, а именно Патрик Бэлл, это правда». Последнее слово было дважды подчеркнуто.

С одной стороны... предложение привлекательное. По словам Поля, это не просто хорошее жалование, а «интересный шанс» и «привычная работа». Тут я немного не понял. Какой именно шанс? Свернуть себе шею? Мог бы и поподробнее написать. Или позвонить на крайний случай. Тоже мне, великий комбинатор. И про «привычную работу» подробнее написать. Если под этим словом он подразумевает какие-то военные действия, то при чем здесь Техас? Хоть бы континент, где эта работа намечается, упомянул, старый бродяга.

А через несколько дней все и решилось. Причем, как это часто бывает, без всякого участия с моей стороны. Шеф в очередной раз напился и начал ругаться. Доста-

лось всем. И глупой секретарше, которая пришла в слишком длинной юбке, и этой «жирной визгливой корове» — жене, которая позвонила не вовремя. Еще как не вовремя — когда жена начала орать в телефонную трубку, наш шеф (аккуратно повесив пиджак на спинку кресла) уже собирался разложить на столе секретаршу. После ультразвука, вылетевшего из телефона, сексуальное желание сошло на нет, и начальник был зол как сто тысяч чертей.

Потом (после двух стаканов коньяку) стенания перешли в область политики, и весь свой гнев он обрушил на эту «старую сволочь», которая погубит весь мир. Под этим любезным обращением шеф понимал своего тестя. Как я уже говорил, это крупный чиновник из Бундестага. Не знаю, что он ему наплел во время последнего семейного ужина, но шеф рвал и метал. Все грозился, что объединение Германии выйдет боком, и этой «старой развалине» — в первую очередь. Потом, как обычно, в стену полетела бутылка. Разумеется, уже пустая. Кстати, перед уходом надо будет оставить записку секретарше, что в кабинете шефа надо опять убрать осколки и вставить новое стекло в разбитую рамку. Начальник, когда доходил до определенной кондиции, как правило, целился в большую семейную фотографию. Она висела посередине стены, и шеф, даже сильно пьяный, редко промахивался. В итоге его «семейное счастье» разлеталось вдребезги, а он засыпал прямо за столом. С блаженной улыбкой на лице и чувством выполненного долга.

Вот тут я задумался. Что бы эти боши ни говорили, но для Европы настанут тяжелые времена. Для этого не нужно быть пророком. Поезжайте в Париж и посмотрите, сколько там приезжих бездельников. Уже сейчас многие недовольны. А что будет через пять или десять лет? А через двадцать?!

Мои размышления прервал телефонный звонок. Не-

удовлетворенная секретарша уже ушла домой, поэтому я отложил в сторону журнал и снял трубку.

— Кто это говорит?!

— Карим Шайя. Я вас слушаю.

— Кто?!

— Фрау Вульф, это говорит Карим Шайя. Чем могу помочь?

— Почему мой муж не поднимает трубку?! Я уже полчаса не могу до него дозвониться!!! Что у вас там происходит?! Этот жирный боров...

Дальше не слушал. Словарный запас нашей дорогой фрау Вульф — как бы помягче выразиться — несколько ограничен. Увольте это повторять! Все эти фразы и речевые обороты можно услышать в любом портовом кабаке. Если вам повезет и вы наткнетесь на пьяного боцмана, то будет очень похоже на нашу фрау Вульф. Даже внешне. Слушать это еще раз не хотелось. Я прикрыл ладонью телефонную трубку и посмотрел в сторону кабинета. Стена между приемной и кабинетом была стеклянной. «Этот жирный боров» — герр Вульф, сладко спал. Он положил голову на стол и храпел. С улыбкой на лице. Видимо, ему снилось свежее пиво, свиная рулька с тушеной капустой и секретарша в эротическом белье. Как раз в таком, которое я видел в журнальной рекламе. Кстати, красивая вещица! Надо будет Хельге подарить. Она оценит.

— Почему вы молчите?!

— Я пытался связаться с вашим мужем...

— Кар...

— Фрау Вульф, у вашего мужа сейчас очень важное совещание. К нему прибыли господа из муниципалитета. Как только он освободится, я обязательно передам, что вы звонили.

Фрау Вульф прошипела что-то, связанное с нетрадиционным сексом, и отключилась. Я вернулся к статьям в журнале. Пройдет еще пара часиков, шеф проснется — и мы отвезем его домой. Не раньше. Если привезти его

пьяным, то жена будет в бешенстве. В таком состоянии она может сделать все что угодно. Например? Может запустить в своего благоверного чем-нибудь тяжелым. В последний раз это была глиняная статуэтка, изображающая купидона. Увесистую фигурку я успел поймать, но она выскользнула у меня из рук и разбилась. Вы бы слышали, сколько было криков! Можно подумать, что она хотела (с помощью куска глины) поразить сердце своего мужа, а я, скотина эдакая, помешал их будущему счастью.

Вечером, когда Вульф проснулся, я отвез его домой. Хмурого и неудовлетворенного. На жирной щеке шефа отпечатались газетная передовица. Видимо, подложил свежую прессу вместо подушки. У ворот гаража стоял «мерседес» его жены. С разбитым левым крылом. Судя по царапинам на столбах, фрау плохо прицелилась и не попала с первого раза. После этого она решила не рисковать и оставила машину на тротуаре. Дома, как обычно, шефу закатили скандал, который не улучшил его настроения. Видимо, поэтому шеф пришел на работу хмурым и с изрядным синяком на правой скуле. Потом, долго не раздумывая, одним махом уволил трех сотрудников. Меня — за грубость при общении с его женой. Очаровательную (и безотказную как автомат Калашникова) секретаршу — за непрофессионализм. Водителя — за разбитую машину. Надо заметить, что машину разбил не водитель, а жена шефа. Но это уже мелочи. Ничего не стоящие мелочи.

И вот таким неожиданным образом я превратился в безработного. Нет, деньги у меня были, и голодная смерть не грозит. По крайней мере, ближайшие несколько лет. А что потом? Все-таки Поль Нардин прав. Надо ехать туда, где меня ждет «привычная работа». Это лучше, чем сидеть в грязном портовом офисе, листать журналы и выслушивать пьяные вопли шефа. По крайней мере, там будет веселее.

Через три дня ко мне приехала Хельга. Ночь любви,

ставшая для нас чем-то привычным. Как доза для наркомана. Привычным, но не обыденным. Не путайте эти две вещи, господа. Привычка — это, как ни крути, что-то большее. Это уже часть твоей жизни. Тем более что мы каждый раз открывали нечто новое. В чувственности и в чувствах. Уже под утро, когда мы просто лежали и отдыхали, я рассказал про свой отъезд. Она внимательно слушала, водя пальчиком по моей шее, а потом неожиданно спросила:

— Карим, а ты надолго уезжаешь? — Голос у нее стал каким-то странным.

— Не знаю. Наверное, надолго.

— Знаешь... — начала говорить Хельга, но запнулась и замолчала.

— Что?

— Мне будет тебя не хватать. Странное чувство... какой-то необъяснимой потери. Никогда не думала, что буду говорить такие вещи любовнику. — Она отбросила в сторону простыню и села на кровати. Обхватила руками колени и замолчала. В сонных предрассветных сумерках Хельга выглядела одиноко. Будто маленькая девочка, заблудившаяся в лесу.

— Знаю, — кивнул я, — мне тоже будет тебя не хватать.

— Ничего ты не знаешь! — Она резко встала и пошла в ванную.

— Хельга!

— Иди ты к черту, Шайя! Видеть тебя не хочу!

Конец восьмидесятих годов

Исследовательский центр

Сан-Антонио, штат Техас

Нет, шутником Поль Нардин не был. Такими вещами не шутят. Этот, как его — Патрик Бэлл, тоже на циркача не тянет. Он больше похож на сильно испуганного менеджера. Чем испуганного? Не знаю. Может, пред-

стоящим увольнением? Знаете, господа, что-то мне подсказывает, что в этой конторе увольняют тихо и незаметно. Без вечеринок, памятных подарков и «золотых парашютов». И вообще, если честно, мне здесь не нравится.

Патрик Бэлл, с которым я встретился, прибыв в Сан-Антонио, заливался соловьем. Начал издали и очень осторожно. Потом разошелся, расслабился и вот уже битый час расписывает мне красоты Нового мира.

Если не пересказывать все мелкие подробности, но следовать его рассказу, то в этой коробке из стекла и бетона, которая по недоразумению называется исследовательским центром, есть некий аппарат, способный забросить человека в новый и неизведанный мир. Эти белозубые мальчики в модных галстуках называют его Новым миром. А заодно вербуют парней, вроде меня и Поля, для защиты новой цивилизации. Точнее — для защиты ученых, исследующих дикие земли. Этот Новый мир был открыт около десяти лет назад, и за это время туда переселилось около четырехсот тысяч землян. Что это за место — планета в другой галактике или параллельный мир, Патрик и сам толком не знает. Единственное, что он сообщил со всей уверенностью, что дверь открывается только в одну сторону. Войти в Новый мир вы можете, а вот вернуться обратно — увы, не получится. Да, вот такая история. Согласен, это похоже на бред умалишенного. С другой стороны, письмо Поля лежало у меня в кармане, и его фраза «все, что тебе расскажут, это правда» давала определенную надежду.

Пока я размышлял, Патрик рассказывал про Новый мир. Там, видите ли, уже построили несколько городов, порт с белыми корабliками, устроили пляж и завезли девочек. Курорт! Климат — как в Испании. Нет, динозавров там нет. Видимо, не нашлось на складе, или музей естествознания был закрыт на реставрацию. В общем — не завезли. Дикое зверье присутствует. Да, стрелять можно. Бандиты есть. Да, стрелять их тоже можно

и даже нужно. Черт побери! Я даже усмехнулся: не Новый мир, а Дикий Запад какой-то! Что? Деньги? Да, есть своя валюта. Экю. Равен двенадцати франкам.

Единственное, что меня слегка напрягало, так это односторонний переход. За время своей работы в порту Гамбурга я насмотрелся на разные вещи. Связанные и с контрабандой, и с прочими незаконными вещами. Торговлю живым товаром тоже видел. Приходилось. Нет, этого не может быть. Поль — не такой болван, чтобы дать разобрать себя на запчасти. Да и какие там запчасти из нашего мяса? Контуженные мозги? Разве что кто-то коллекционирует шкуры со шрамами...

— Как я понимаю, радиосвязь с Новым миром есть? — Я резко оборвал рассказ Патрика про жалованье и премии.

— Да, — кивнул он, — слабая, но есть.

— Значит, вы можете связаться с Полем?

— Да... — Он немного замялся. — Но вы же получили письмо?

— Это ничего не значит. Письмо можно подделать, — сухо заметил я. — В наши времена это не самое сложное, мистер Бэлл. Скажу больше — я не привык доверять людям. Поэтому хочу связаться с Полем и задать ему два простых вопроса. Когда получу ответы, то буду уверен, что Нардин жив и здоров.

— Если он в данный момент на Базе Ордена, то мы, конечно, постараемся...

— Видите ли, Патрик! — опять встрял я. — Сейчас у меня два желания. Первое — убедиться, что с моим другом все в порядке. Если это не так, то возникает второе желание — взять вас за горло и вытрясти всю правду. Не надо смотреть на двери. Пока охранники ворвутся в этот кабинет, я успею сломать вам шею. Поэтому, — я перевернул неподписанный контракт и написал на обороте несколько фраз. — давайте обойдемся без глупостей. Вот вопросы — и я хочу получить четкие и внятные ответы. Все очень просто.

— Да, вы очень интересный человек, мистер Шайя. — Патрик дотронулся до узла галстука и осторожно пошевелил шеей. Словно хотел убедиться, что она еще не сломана. — Поль был прав.

«Не знаю, что тебе говорил Нардин, — подумал я, — но сейчас ты явно нервничаешь. Даже пот на лбу выступил».

Патрик посмотрел на меня, потом взял лист бумаги и прочитал вопросы. Первый: «Кто первым ступил на землю в Кольвези?» — не вызвал никаких эмоций. А вот после второго: «Где женился Джузеппе Марино?» — он удивленно дернул бровью.

— Разве покойный мистер Марино был дважды женат? Насколько мне известно, он вступил в брак, только прибыв в Америку. Это произошло здесь, в Сан-Антонио. Чтобы ответить на этот вопрос, вам не нужно отправлять радиogramму в Новый мир.

— Вот потому я и задаю этот вопрос Полю, а не вам. — Судя по реакции мистера Бэлла, он удивился. Понимаю: неприятно узнать, что досье на сотрудника, пусть и покойного, оказалось с маленькой неточностью.

— Хорошо. Думаю, что завтра ответы будут у нас.

— Вот завтра и продолжим. А я пока прогуляюсь по вашему городу.

Да, это на самом деле была проверка. Первый вопрос не вызвал удивления. Он был простым, но правильный ответ мог знать лишь тот, кто участвовал в этой операции. Ответ на второй вопрос — это обычная шутка о нашей молодости.

Потом я бродил по городу. Зашел в книжную лавку, посидел в небольшом кафе на набережной. Кстати, а меня пасли. Два каких-то придурка в мешковатых костюмах. Жалко парней. В такую жару ходить в костюме и с этой удавкой в виде галстука? Увольте меня от такого удовольствия. В общем, день прошел тихо и незаметно.

На следующее утро, когда я прибыл в офис компа-

нии, меня сразу проводили в кабинет к мистеру Бэллу. Правда, после нашего вчерашнего разговора в кабинете находился еще один человек. Патрик представил его как своего коллегу, но я, оценив ширину плеч «коллеги», только усмехнулся.

— Признаться, мистер Шайя, я несколько удивлен не только вашими вопросами, но и ответами мистера Нардина, — настороженно начал Патрик. — Что они обозначают? Объясните, будьте так любезны.

— Не раньше, чем увижу ответы.

— Да-да, конечно, — кивнул он и протянул полоску бумаги. На ней было четыре слова. «Капитан Поулет. Гвианский Бриндизи» Я усмехнулся и отложил бумагу в сторону. Все правильно, а это значит, что и с Медведем все в порядке. Увидел в глазах мистера Бэлла немой вопрос; пришлось ему рассказать эти две истории.

Все знают, что при знаменитой заварушке в Заире первым из самолета выпрыгнул полковник Эрюлен. Это вам скажет любой, кто хоть немного интересовался той операцией. На самом деле сразу за полковником десантировался и капитан Поулет. Он-то и ступил первым на землю Кольвези. По очень простой причине — парням пришлось использовать слабо знакомые парашюты. Американские Т-10. Наш полковник влетел в дерево и потерял сознание от удара. Его сняли уже после того, как вся первая волна десанта оказалась на земле. Этот факт скрыли, и полковник стал тем самым «бравым парнем», кто первым вступил в бой в Заире.

Про Джузеппе Марино — и того проще. Однажды наш Пеппино чуть было не женился в... Гвианском Бриндизи. Бриндизи — думаю, вы знаете — город на западном побережье Италии. Почему он стал Гвианским? Хм... Как-то мы приехали в Бриндизи. В отпуск. Молодые, глупые. Кровь бурлит, как кипятки. Нам даже спиртного не требовалось — хватало куража и уверенности, что мы самые крутые парни во вселенной. Как и полагается, сильно загуляли. Марино познакомился с ка-

кой-то аппетитной дамочкой, из числа бесчисленных туристов, бродящих по земле Италии. Как сейчас помню — Пеппино вспылал такой горячей любовью, что хоть сигареты от него прикуривай. Он бы и женился! Девушка, кстати, была не против. Такой роман был! Мы с Медведем рыдали от умиления, когда Пеппино возвращался в гостиницу под утро, горлая любовные песни. Они даже дату свадьбы запланировали. Правда, за несколько недель до этого события дамочка познакомила Пеппино со своим престарелым папенькой — старик отдыхал неподалеку и решил повидаться с дочерью. И тут, прошу любить и жаловать — сам Джузеппе Марино! Капрал Второго парашютно-десантного полка, во всей красе легионера в отпуске. Тот еще красавец! Глаз украшен синяком, а разбитая губа похожа на пирожок с повидлом (за день до этого мы нарвались на компанию американских морских пехотинцев и что-то с ними не поделили). Папеньку, когда он узнал про выбор своей дочери, чуть удар не хватил. Мало того — этот бодрый старичок оказался не кем иным, как одним из заместителей министра обороны Франции! Правда, в отставке, но это ему не помешало испортить нам праздник. Он сделал несколько звонков — и нас (всех троих) по-быстрому отозвали из отпуска и отправили в «очень важную» командировку. Все для блага Франции! Вперед, господа! Родина вас не забудет! В общем, валите, парни, с глаз долой — из сердца вон. От девок и греха подальше. Так мы и просидели в гвианской сельве все «свадебные торжества». Когда вернулись, дамочка уже пришла в себя и выходить замуж за легионера отказалась. С тех пор у нас появилась шутка про свадьбу в Гвианском Бриндизи.

После подписания всех необходимых документов Патрик Бэлл проводил меня на медосмотр. Плоская как доска медсестра взяла кровь и, покраснев, ушла делать анализы. И чего было краснеть? Ну нет у тебя бюста, красавица, что уж тут поделаешь? Это жизнь. Всякое может случиться. Говорят, что женский бюст увеличи-

вается от хорошего массажа. Хотел ей сказать, но вовремя одумался. Казарменный юмор здесь не поймут. Зачем мне лишние проблемы?

Потом мы решили финансовый вопрос. Жалованье и правда приличное. Мне предложили девятьсот пятьдесят экю. Выплачивается каждые две недели, на банковский счет Ордена. Предложили решить проблему с моими банковскими сбережениями, но в этом не было необходимости. Все мои деньги — со мной. Это тридцать тысяч франков, превратившиеся в две с половиной тысячи экю и двадцать золотых монет достоинством в один крюгерранд. Я не стал их менять на новоземельную валюту. Тем более что эту самую валюту можно увидеть только там — в Новом мире. Поживем — увидим. Золото — всегда золото. Эти монеты, если можно так сказать — остатки былой роскоши и память о последней афере в Африке. Нет, это никак не связано с Иностран- ным легионом. Это было уже после моей отставки. Перед отъездом в Америку я заехал в Париж, чтобы встретиться со своей сестренкой и братьями. Отдал им ключ от своей банковской ячейки, где лежат еще шестьдесят золотых монет. Они молодые, и деньги им пригодятся. И старикам помогут, если что.

Закончив все формальности, Патрик Бэлл поднялся и торжественно пожал мне руку. Сказал, что был рад («Очень! Очень рад!») со мной познакомиться и надеется, что Новый мир послужит тем самым шансом, который «приведет меня к процветанию, новым идеалам и хорошей жизни». Если честно, то я и раньше на свою жизнь не жаловался, но так и быть. Кто знает: может, ему со стороны виднее?

Немного позже меня проводили в арсенал, где я познакомился с его хранителем. Мужчина лет сорока с небольшим. Невысокий, плотного телосложения. Седоватый. На его рабочем столе, рядом с телефонным аппаратом, лежит широкополая шляпа. Еще один техасский ковбой?

— Майкл, — кивнул мне оружейник и, прищурившись, посмотрел на меня. Внимательно и цепко. Несколько секунд разглядывал, потом хмыкнул и кивнул еще раз: — Майкл Беннет.

— Карим, — я сделал небольшую паузу, — Карим Шайя.

Оружейник не выдержал и расхохотался. Хохотал так, что в оружейку заглянул один из охранников, дежуривших в коридоре. Кстати, этот исследовательский центр охраняют очень серьезно. В коридорах висят видеокамеры. На каждом этаже, рядом с дверьми лифта, пост из двух охранников. Вооружены не только пистолетами, но и дробовиками. И взгляды этих парней — очень настороженные.

*Конец восьмидесятых годов
Исследовательский центр
Сан-Антонио, штат Техас*

После обмена любезностями Майкл, ни о чем меня не спрашивая, ушел куда-то в глубину оружейной комнаты. Через несколько минут он вернулся с увесистым брезентовым свертком. Развернул и выложил на стол советский АКМН. Новенький, еще в масле. Тускло блеснула черная вороненая сталь. Рядом с ним положил подствольный гранатомет Г-25 и пластиковый пакет с запасными магазинами для автомата. Прихлопнул пакет своей широкой ладонью и уточнил:

— Десять штук.

— Вы угадали, — улыбнулся я, — это именно то, что мне нужно.

— Что-нибудь еще? — Оружейник довольно хмыкнул.

— Для полного счастья? Пистолет Стечкина. Найдется такая игрушка в коллекции?

Майкл что-то невнятно и слегка обиженно буркнул, потом заглянул в свой пухлый журнал. Пролистал не-

сколько страниц, еще раз буркнул и ушел. В этот раз ходил гораздо дольше. Вернулся с пистолетом в бакелитовой кобуре и брезентовым подсумком с магазинами.

— Ваш эй-пи-эс, сэр!

То, что я отказался от дальнейшего выбора, его несколько удивило.

— Ваш друг взял и снайперскую винтовку, — проворчал Майкл Беннет. Видимо, его слегка покорило, что я не стал набирать оружия под завязку. Как бы не так! Будь моя воля, я бы весь арсенал вынес, но эти жмоты выдают охранникам по два ствола на душу и требуют деньги за остальное. Увольте, но платить за лишнее железо не собираюсь. Будет день — будут и трофеи.

— И что же он выбрал? — поинтересовался я.

— Мистер Поль взял автомат, американский пистолет и американскую винтовку. — Майкл, сам того не желая, выделил слово «американский». Надавил на патриотизм, которого у меня отродясь не было и быть не могло.

— Господь с вами, мистер Беннет! Поль — хороший стрелок, а я... так, погулять вышел. Мне будет достаточно и того, что выбрал, — отмахнулся я и разобрал полученный автомат. — Если Поль уже на месте, то и снаряжение как-нибудь подберем. На крайний случай, отберем у плохих мальчиков. Думаю, что там найдется несколько таких, которые переходят улицу в непопозволенном месте и ругаются неприличными словами?

— Думаю, что вы правы, — Беннет слегка нахмурился и задумчиво провел рукой по гладко выбритой щеке, — и вы сами в этом убедитесь. Поверьте, мистер Шайя, скучать не придется. Железа и разных оборванцев там в избытке! Да, сэр. И не только там...

— Значит, и трофеи будут, — подвел итог я и шелкнул предохранителем. — Если вы никуда не торопитесь, то еще два вопроса.

— Конечно, сэр!

— Патроны? И где можно пристрелять оружие?

— Извините, но это только на стрельбище. Завтра утром, в девять часов. Вас устроит?

— Вполне.

Интересно, что это за оговорка? Не только там... Это как понимать? Плохие мальчики добрались до Америки? Или они уже здесь, в Техасе? И что они будут делать в этом, прости господи, Сан-Антонио? Здесь даже приличного борделя и то нет. Вымрут от скуки эти горе-завоеватели, как динозавры. Те самые, которых так не хватает в Новом мире.

В городе было несколько охотничьих магазинов, но бродить по всем подряд не хотелось. Не люблю я ходить по магазинам. Обрисовал проблему Майклу Беннету, и он порекомендовал два из них. Мне повезло, и все необходимое купил в первом.

Для вещей взял два рюкзака и баул. Большой «лагерный» и сорокалитровую «трехдневку» для коротких маршрутов. Из одежды практически ничего не купил. Несколько пар джинсов, рубашки. Два комплекта американской армейской формы старого образца. Три пары обуви, на все случаи жизни. Набедренную кобуру для «стечкина», дюжину нижнего белья, дюжину футболок и бытовые мелочи, вроде бритвенных станков, презервативов и зубных щеток. Кроме всего этого, купил хорошую разгрузку и несколько ножей. Уже уходя из магазина взял небольшой топор. Хорошая вещь. Нужная в хозяйстве. Вдруг голову кому-нибудь придется отрубить, а у меня топора нет... Непорядок.

Форму мне выдали в Ордене. Камуфляж «шоколадный чип», песчаной расцветки, для жаркого климата. Две пары ботинок (высокие легкие берцы), несколько шейных платков и форменная панама. Нашивки, документы и патроны, как мне объяснил Патрик, получу по ту сторону «ленточки».

Весь следующий день я провел на стрельбище. Вместе с Майклом Беннетом. Сначала мы пристреляли мое

оружие, потом опробовали арсенал оружейника. Я полагаю, что он его специально притащил, чтобы указать на мою «ошибку» при выборе оружия. Ничего показать не получилось, и мы с удовольствием жгли патроны, расстреливая все мишени в пределах пятисот метров. Если подбить итоги моего пребывания в Америке, то стрельбище — это единственное место, которое пришлось мне по душе. Когда мы закончили, я достал упаковку пива, купленную утром, и мы дружно ее уничтожали, коротая время за чисткой оружия. Когда выпили половину пива и вычистили два пистолета, я спросил:

— Майкл, скажи мне одну вещь. Какого черта парни из вашей конторы такие нервные?

— Вы так полагаете, сэр?

— Куда тут полагать? Я вижу. Патрик на месте не усидит. Вертится на стуле, как грешник на сковородке. И постоянно прислушивается к шагам, доносящимся из коридора. Знаешь, так ведут себя преступники, которые сидят и ждут смертной казни. Понимаешь, о чем я говорю?

— Да, мистер Карим, — кивнул он. Потом отложил свой пистолет в сторону и вздохнул.

— Что здесь происходит, Майкл? Ты пойми, я ведь не просто так спрашиваю. С меня как с гуся вода. Сейчас я здесь, а через полчаса меня хрен поймает. Просто там, за «ленточкой» — мой друг. Думаю, если надвигается что-то нехорошее, то мы должны это знать.

— Если честно, мистер Шайя, то я и сам ничего не понимаю, — он тяжело вздохнул, — но скажу честно: ничего хорошего не ожидаю.

— То есть ты признаёшь, что не все так гладко, как рассказывает Патрик?

— Нет, с Новым миром он вам не соврал. Этот мир существует. Но в Ордене последнее время происходит что-то нехорошее. Знаете, все эти игры и перестановки мне не нравятся. Скажу больше — я думаю, что всем нам пора туда перебираться.

— В Новый мир?

— Да, сэр. Там дикая планета, но нам к таким вещам не привыкать. Думаю, что там будет спокойнее, чем здесь. Опаснее, но спокойнее. Понимаете, что я имею в виду, сэр?

— Полагаю, что да.

— Вот такие дела, сэр, — подвел итог Майкл и осторожно поставил пивную банку на стол.

Через несколько дней я закончил все дела и был готов к отправке. Вещи из гостиницы привез на такси. Подождал немного в фойе, а потом меня проводили в цокольный этаж, где я встретился с одним из операторов «шайтан-машины». Не помню, как его звали. Кажется, Густав. Молодой парень, похожий на чудом уцелевшего хиппи из шестидесятых. По крайней мере, внешний вид соответствовал. Какие-то порванные джинсы, кеды с вечно развязанными шнурками и майка с легкомысленной надписью. Легкая небритость и включенные волосы, в комплекте с шалыми глазами, ничего хорошего не обещали. Именно такие люди способны взорвать половину мира, а потом стоять столбом и вяло оправдываться, что оно как-то само так получилось... нечаянно...

На удивление, мир не взорвался, и оправдываться ему не пришлось. Он махнул рукой, показывая на небольшую тележку для вещей. Чтобы не таскать тяжесть в руках. Хотя... если подумать, у меня и вещей не так много. Два рюкзака, баул и брезентовая оружейная сумка с «железом». Да, забыл: еще небольшой пакет из магазина. Там булькали три бутылки коньяка. Если в ближайшие несколько минут меня не превратят в молекулы, то нам с Полем будет с чем посидеть и выпить. Как же без этого?

Когда увидел эту «шайтан-машину», а точнее — «шлюз», то рот открыл от удивления. Нет, я изредка читаю фантастические книжки, и с воображением у меня все в порядке. Но черт меня побери! Какая-то железная

рама, размером два на два метра, с датчиками по периметру, и тележка с желтыми креслами. Если эта дрелина способна переместить меня в Новый мир, то я — папа римский.

Видимо, мое удивление не ускользнуло от Густава. Он криво усмехнулся, потом довольно хмыкнул и сунул руки в карманы.

— Что, не нравится?

— Скажи мне, парень, — вкрадчиво начал я. — я понимаю, что железо дорожает, а эту тачку вы попросту увели из железнодорожного музея, но... она и правда может? Ну, ты меня понимаешь...

— Может, мистер Шайя! Даже не сомневайтесь!

— Спасибо тебе, сынок. Ты меня так успокоил, так успокоил... Еще несколько минут — и до Поля доедет на одну бутылку меньше.

— Вы не переживайте, сэр! — Этот малолетний придур... гений улыбнулся и показал мне на небольшую комнату. — Там есть небольшой бар. Сумки оставьте здесь, для досмотра.

— Для какого досмотра?

— Таможенного, — усмехнулся он. — Новый мир берегут как зеницу ока. Сейчас я пойду настраивать аппаратуру, чтобы не было неприятностей, а вы подождите в этой комнате. Я позову, когда будет готово.

— Неприятностей, говоришь? Да, ничего не скажешь, ты умеешь успокаивать!

Оставив сумки на столе, я зашел в комнату ожидания. Нет, надписей на стене, в стиле «Выпустите меня отсюда!» не увидел. Это немного успокоило. Открыл бар, налил на два пальца бренди и залпом выпил. Подумал, что этого будет мало для такой дальней поездки, и добавил еще немного. Бренди упало тяжелым камнем в желудок и отозвалось живым теплом. Да, так будет лучше...

Через двадцать минут в операторскую зашел Густав.

— Мистер Шайя, вы готовы?